

Такое присвоение совершается при помощи насилия, беззакония, устрашения, демагогии, обмана, дезинформации, целенаправленного духовного разложения и других способов. Паразитический образ жизни многолик. Он может не только эксплуатировать невежество, доверчивость, неопытность, неорганизованность и инертность людей, но и активно их распространять и насаждать. По-видимому, нет такой формы социального паразитизма, который был бы необходим и полезен его многообразным жертвам.

В данной статье нет возможности анализировать проблему подробно. Кратко охарактеризую наиболее существенные формы социального паразитизма.

1. Колониальный паразитизм – в виде завоеваний и военно-силового захвата чужих территорий, присвоения ресурсов и грабежа разнообразных богатств, созданных в многовековой истории народов. Завоеватели принуждали покоренных ими людей к рабскому труду на самых тяжелых условиях. Такой вид паразитизма осуществлялся и насаждался колониальными завоеваниями стран Западной Европы, начиная с XV–XVI вв. Они позволили сосредоточить колоссальные богатства в руках господствующих классов, в государственных организациях и ростовщических кланах. Накопленные богатства использовались для ослабления многих внутренних конфликтов в этих странах, для наращивания их экономических, технико-технологических и силовых преимуществ перед другими государствами.

2. Паразитизм в форме коррупции – подкупа должностных лиц и политических деятелей, «подкармливания» политических партий и других общественных организаций – с целью устранения и обструкции оппонентов, поддержки непопулярной политики насилия, демагогии, национального предательства и т.п.

3. Паразитизм в форме мафии – грабежа, насилия, убийств, шантажа и других видов организованной преступности, террористического устрашения народа, политических движения и отдельных людей.

4. Паразитизм в финансовой области, или финансовый паразитизм. В современном мире эта форма социального паразитизма становится особенно притягательной. При помощи спекуляции, дезорганизации государственной финансовой системы, финансовых авантюр и других махинаций возможно присваивать огромные материальные богатства: землю, рудники, заводы, стратегическое сырье, драгоценные металлы, культурные ценности и т.д. На смену средневековому паразитическому ростовщичеству приходит его отвратительная современная форма –

так называемое «прокручивание денег» с целью обогащения, займы различных международных финансовых центров под кабальные проценты и т.п.

5. Национально-государственный паразитизм, когда основная масса всех социальных групп народа становится активным соучастником, проводником и заинтересованной стороной в реализации политики военных завоеваний, военно-силового разрешения международных конфликтов, организованного грабежа захваченных стран и установления силового господства над побежденными народами. Опыт нашего народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. свидетельствует, что это чрезвычайно опасная форма социального паразитизма.

Все виды социального паразитизма эксплуатируют и подавляют человека, превращают его в орудие реализации чуждых ему целей и интересов. Они оказывают активное, чаще всего скрытое, воздействие на формирование идеологических концепций, на искусство, на систему экономических отношений, законодательство и другие социальные сферы.

Национально-государственный паразитизм открыто провозглашает политику организованного насилия над другими народами в качестве главной цели жизнедеятельности и жизнеустройства победившей нации. Поэтому вся идеология в фашистской Германии – от мифов до практически реализуемых лозунгов – основывалась на возвышении силы, насилия, организованного грабежа, идеализации военных завоеваний, на поэтизации сильных личностей и героических народов. Это и позволило превратить немецких солдат в мощную завоевательную и беспощадную военную силу.

Источники и литература

1. Modern Europe aftier Fascism 1943–1980 г.// п.У.-2000.
2. Васильев О.В. Накануне 22 июня 1941 г. – М.: Наука, 2001. –230 с.
3. Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. – М.: Мир, 1997. – 700 с.
4. Восточная Европа между Гитлером и Сталиным 1943-1941гг. – М.: Индрик, 1999, – 526 с.
5. Мягков М.Ю. Вермахт у ворот Москвы. 1941 – 1942 – М.:РАН, 1999. – 305 с.

Кузьмин Н.Н.

О СОЦИАЛЬНО-РЕПРЕЗЕНТАТИВНЫХ ОСНОВАНИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ

Большую часть развития теоретической социологии и социальной философии проблемное поле данной сферы гуманитарного знания было распределено между полюсами объективизма и субъективизма. Часть исследователей считала социальную структуру определяющим элементом социальной реальности,

другие отдавали приоритет в детерминации действующему субъекту. Последняя треть XX века в развитии социальной теории ознаменована тенденцией преодоления дихотомического распределения социального знания. Ведущие представители данной области гумани

О СОЦИАЛЬНО-РЕПРЕЗЕНТАТИВНЫХ ОСНОВАНИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ

тарного знания ставили задачу объединения в единой теоретической перспективе как тотальности социальной структуры, так и волонтаризма субъекта (Н. Элиас, П. Бурдьё, П. Бергер, Т. Лукманн, Э. Гидденс, Р. Бхаскар, П. Штомпка, К. Эдер и др.).

Э. Гидденс, например, считает, что действующих субъектов и структуры нельзя представлять как два независимо заданных ряда явлений. По его мнению, они представляют собой не дуализм, а дуальность, то есть структурные качества социальных систем, являются как средством, так и результатом практик, которые они регулярно организуют [9, с. 61]. Согласно концепции социального становления П. Штомпки, не существует ни реальности субъектов, ни реальности структур самих по себе. Справедливым следует признать его утверждение, что нет ни одного примера в общественной жизни, в котором не было бы слияния структур и агентов, операций и действий, не может в принципе быть агента, который не встроен в какую-нибудь структуру, или структуры, которая существует отдельно от индивидов [24, с. 272].

В свете создания синтетической социальной теории ведущую роль в объяснении социальной реальности стали играть репрезентативные элементы социальной жизни (нормы, ценности, идеологии, обыденные представления и т.п.). Активное использование репрезентативных элементов основывается на тезисе, что для того чтобы человек мог нормально жить и действовать в окружающем его мире, ему необходимо знание этого мира. Человек как деятельное, действующее существо постоянно сталкивается с необходимостью решений, которые он принимает на основе своего знания о положении вещей, существующих возможностях и ожидаемых последствиях, о приемлемости тех или иных последствий. То есть человеческая деятельность всегда неразрывно связана с определенным комплексом знаний, представлений; возможности деятельности субъекта запрограммированы его представлениями об окружающем мире. Каждое событие, факт в окружающем мире, а значит и действия самого субъекта, имеют для него определенное значение, смысл.

Связь действий субъекта со смыслом, вкладываемым в эти действия, является центральным положением «понимающей социологии» М. Вебера. «Действием, – пишет М. Вебер, – мы называем действие человека (независимо от того, носит оно внешний или внутренний характер, сводится ли к невмешательству или терпеливому принятию), если и поскольку действующий индивид (или индивиды) связывают с ним субъективный смысл» [7, с. 602–603].

В первую очередь, это относится и наиболее ярко проявляется в социальной, культурной деятельности человека. Так, М. Вебер, сравнивая реактивные, не имеющие за собой некоего «подразумеваемого смысла» действия с социальными, писал: «Столкновение двух велосипедистов, например, не более чем происшествие, подобное явлению природы.

Однако попытка кого-нибудь из них избежать столкновения, последовавшая вслед за столкновением брань, потасовка или мирное урегулирование конфликта является уже социальным действием» [7, с. 626]. То есть социальное действие основано на имеющихся у действующего индивида представлениях о том, какие действия необходимы в данной ситуации и будут восприняты как нормальные, резонные его партнерами по социальному взаимодействию.

Таким образом, всякое социальное действие имеет когнитивную природу, его сопровождает определенный запас знаний, на основе которого индивид принимает решение о возможности того или иного действия. По мнению современного английского социолога Э. Гидденса, «каждый член общества является практикующим социальным теоретиком: осуществляя любого рода взаимодействия, он обычно обращается к своим знаниям и теориям, и именно использование этих ресурсов есть условие осуществления взаимодействия вообще» [13, с. 41].

Активная связь знания, представлений субъекта о ситуации, в которой он действует, ярко была выражена еще в так называемой «теореме Томаса» – концепции «определения ситуации» американского социолога У. Томаса. Эта «теорема» сформулирована им следующим образом: «Если ситуация определяется как реальная, она реальна по своим последствиям» [12, с. 66]. У. Томас иллюстрировал эту идею таким примером. В Нью-Йорке параноик убил на улице несколько человек, бормотавших что-то про себя, полагая, что они оскорбляют его. Определение воображаемой ситуации оскорбления как реальной вызвало реальные последствия – убийства или, можно сказать, в данном случае конкретные действия были вызваны представлениями, возникшими в сознании действующего субъекта. Если попытаться объяснить ситуацию убийства (объективный факт) через предшествующий ей другой объективный факт – встречу параноика с неким незнакомым ему человеком, то налицо отсутствие логической связи между этими фактами. В данном примере одна объективная ситуация порождает другую посредством определения первой, то есть через придание ей субъективного смысла, значения. Таким образом, возникновение представлений об окружающей действительности – это одновременно и созидание нового, конструирование этой действительности.

Причем это справедливо как для действий отдельных индивидов, взаимодействий на микроуровне, так и для крупномасштабных социокультурных ситуаций. Так, М. Вебер, исследуя роль протестантской этики в возникновении «духа капитализма», показал, что новое определение взаимоотношений бога и человека, возникшее в рамках протестантизма, привело к рождению новой социокультурной реальности – капитализма. Влияние теории на деятельность ученых, детерминация «создания» научных фактов господствующими представлениями научного сообщества, открытая

в философии науки XX века, также красноречиво свидетельствует о влиянии социальной репрезентации на действия субъектов.

Принцип определения ситуации играет значительную роль в функционировании такого социально-политического явления, как легитимность. Ведь легитимность – это признание за властными органами или отдельными личностями права на власть, убежденность в том, что принятый политический порядок справедлив и законен [8, с. 684], то есть претензии некоего органа власти или ее отдельного представителя на осуществление властных полномочий определяются (признаются) как приемлемые. Это в свою очередь порождает определенную социальную реальность: отношения власти-подчинения. Утрата же органом, институтом власти или его представителем легитимности (то есть новое определение ситуации взаимоотношений власть-подданные) может породить другую социально-политическую ситуацию: активную или пассивную борьбу с властью, появление альтернативных властных органов и их лидеров.

История знает немало примеров, когда утрата по каким-либо причинам легитимности монархами, политическими режимами приводила к социальным потрясениям, сменам политического строя и даже распадам государств. Причем укорененность легитимности в сознании людей часто является причиной того, что обанкротившийся политический режим, не имеющий никаких объективных прав на осуществление власти, может поддерживать свою легитимность путем «промывки мозгов» поданных, то есть, определяя ситуацию в свою пользу. И наоборот, стабильный политический режим может быть разрушен путем умелой пропагандистской кампании, ведь люди практически всегда имеют причины для недовольства. Так, смена власти в результате демократических выборов означает утрату находившейся у власти политической силы легитимности в глазах большинства избирателей, что, как правило, происходит в результате пропагандистской (то есть направленной на определение ситуации) предвыборной кампании конкурирующей политической силы. Ведь целью воздействия на какую-либо аудиторию в процессе агитации, пропаганды, «информационной войны» и т.п. является внесение изменений в когнитивную структуру с тем, чтобы получить соответствующие изменения в поведенческой структуре [17, с. 20].

Роль, какую играют представления об окружающей действительности в социальных действиях субъектов, можно проиллюстрировать, описанными в работах по социальной истории английского исследователя Э. П. Томпсона, выступлениями городской бедноты в Англии в XVIII веке [21, с. 182–186]. В течение этого столетия в торговле хлебом в Англии утверждался принцип «свободных рук», государство постепенно отказывалось от регулирования, целью которого было обеспечение городской бедноты дешевым хлебом (например, перекупщиков пускали на рынки только в определенное время). «Невидимая рука» стихийного рыночного регулирования неплохо работала, когда зерна было в достатке, в неурожайные же годы

ажитоажный спрос, спекуляция делали цены на продукты питания недоступными, для низших слоев населения начинался голод. Что обычно происходит в таких случаях? Начинаются стихийные выступления, бунты, толпы голодных грабят продовольственные запасы.

В Англии же происходило следующее. Толпы городской бедноты забирали у торговцев, землевладельцев запасы продовольствия, продавали их на рынках по твердым ценам, а деньги возвращали владельцам товара, причем практически не зафиксировано случаев грабежа и насилия применялось лишь в ответ на сопротивление. Такое поведение невозможно объяснить без учета комплекса представлений городской бедноты Англии о том, как должна проходить торговля продовольствием.

Обобщением вышесказанного может служить утверждение П. Уинча, что социальные отношения являются выражением идей о реальности [23, с. 17]. Важность учета репрезентативных элементов для анализа социальных ситуаций – это общее место у большинства современных представителей социального теоретизирования (П. Бергер, Т. Лукманн, Э. Гидденс, П. Штомпка, Р. Бхаскар, Ю. Хабермас и др.).

Таким образом, в процессе взаимовлияния социальных структур и действующих субъектов на первый план выступает социальная репрезентация. Структурное принуждение происходит в первую очередь за счет навязывания субъектам норм и правил социальной жизни, представляющих собой «грамматику социальных действий» [24, с. 251]. Волонтаризм субъекта оказывается возможным благодаря тому, что нормы и правила существуют лишь во взаимодействии субъектов. Люди постоянно их формируют и изменяют в процессе их применения и интерпретации [24, с. 251]. Кроме нормативного знания действия субъектов зависят и от их знаний и представлений о социальной структуре, о месте субъекта в социальном мире, о положении и взаимодействии социальных классов и групп.

У. Аутвейт, например, утверждает что общество и институты внутри него – это не независимо существующие реалии, символически отображенные в сознании социальных субъектов. Институциональный социальный порядок – это совокупность символов, к которым субъекты обращаются при объяснении ситуаций социального взаимодействия [3, с. 162].

Тенденцию повышения роли социальной репрезентации в объяснении социальных явлений и процессов можно проиллюстрировать изменением понимания природы классовой структуры общества в современной социологии. В социальной теории до сих пор существует идущая от марксистской социальной теории традиция понимания социального класса в двух модусах: класс «в себе», как объективно существующий элемент социальной структуры, и класс «для себя» – класс, обладающий идентичностью, то есть осознающий свое существование в оппозициях с другими группами и свои интересы. Но более современное понимание классовой структуры подчеркивает, что класса «в себе» не существует, класс без классового сознания

О СОЦИАЛЬНО-РЕПРЕЗЕНТАТИВНЫХ ОСНОВАНИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ

ние классовой структуры подчеркивает, что класса «в себе» не существует, класс без классового сознания не может быть агентом социального взаимодействия [22, с. 90].

В свое время К. Маркс, придя к выводу о всемирно-исторической миссии пролетариата, определил тем самым ситуацию взаимоотношений наемных работников промышленных предприятий и общества. Это определение в свою очередь сконструировало новую социальную реальность – классовую борьбу пролетариата, более того, можно сказать, что пролетариат как социальное явление появился в результате теоретических изысканий К. Маркса, создавшего новое знание, ставшее основой действий для определенной социальной группы, направленных на формирование нового типа взаимоотношений социоструктурных элементов.

Английский историк Э. Томпсон считал, что класс можно считать состоявшимся тогда, когда люди чувствуют и выражают идентичность их интересов между собой и в оппозиции другим людям, интересы которых отличны и, как правило, противоречат интересам первых [15, с. 9]. Таким образом, классовое сознание не является полностью производным от социальной структуры, существующей независимо от действующих, предполагающих и понимающих субъектов. Класс как элемент социальной структуры возникает лишь в результате появления соответствующего классового сознания.

По мнению Р. Харре, классовая теория описывает не независимую реальность, а популярный образ или символ. Категории данной теории делают понятными разнообразные несходства между людьми, то есть классы существуют лишь постольку, поскольку их мыслят существующими [3, с. 163]. Аналогично И. Валлерстайн справедливо подчеркивает, что объективное положение класса является реальностью лишь постольку, поскольку оно становится субъективной реальностью для группы или групп [6, с. 86]. В свою очередь К. Эдер утверждает, что определить реальные классы возможно лишь через описание классовых субкультур, которые порождаются специфическими схемами переживания, восприятия и интерпретации мира. Данные схемы в свою очередь тематизируют вертикальную классификацию социальных отношений в обществе [25, с. 34–35].

Влияние группового самосознания на формирование социальных групп как элементов социальной структуры получило свое отражение в концепции нации как «воображенного сообщества» Б. Андерсона. Термин «воображенное» отнюдь не означает, что такое сообщество сконструировано виртуально и не имеет эмпирического коррелята в реальной жизни. Воображенными Б. Андерсон называет все сообщества, члены которых не могут знать лично или даже косвенно большинства других его членов, однако имеют представление о данном сообществе, его составе и положении относительно других сообществ [2, с. 568]. Термин «воображенное»

можно относить не только к национальным группам, но и другим подобным образованиям: религиозным, расовым, классовым, некоторым профессиональным и т.п. Главное, чтобы их основой была общая идентичность их членов.

«Воображенным» можно считать не только существование класса или группы, но и его положение относительно других групп. Этот тезис можно проиллюстрировать анализом проблемы социального неравенства. Согласно современным представлениям, человеческие общества всегда имели вертикальную стратификацию, всегда существовало деление общества на группы, имевшие различный статус, то есть одни члены общества были неравны другим. Но эта социальная реальность была открыта лишь в эпоху Просвещения, до этого неравенство не было социальным явлением, а считалось проявлением божественного или естественного порядка.

По мнению К. Эдера, понятие социальное неравенство – это интерпретативная схема, созданная для когнитивной репрезентации общества модерна, а затем проектируемая на другие общества [25, с. 34]. Таким образом, в эпоху Просвещения произошло переопределение ситуации: неравенство было объявлено отклонением от нормы, равенство, соответственно, стало считаться идеалом [12, с. 232–235]. Требование равенства (независимо от степени равенства или его типа – политического или экономического) стало программой самых разных политических сил. В результате этой когнитивной операции представление о существовании социального неравенства и негативном характере этого феномена конституировало отношения между группами в рамках социальной структуры, а следствием этого стала социальная активность, направленная на ликвидацию неравенства, то есть на перестройку социальной структуры.

Примером того, как формирование представлений о социальной структуре конституирует данную структуру, является формирование социальной идентичности, то есть представлений о месте индивида в социальном мире, о его принадлежности к различным социальным группам. Согласно современной социальной психологии (теория Х. Тэджфела и Дж. Тернера), социальная идентичность обретается индивидом через следующие этапы: социальную категоризацию, социальное сравнение и социальную идентификацию. Социальная категоризация – это упорядочивание социального окружения в терминах членов определенных групп, подчеркивание воспринимаемых внутригруппового подобия и межгрупповых различий [20, с. 118]. Категоризация, как типологическое разделение воспринимаемого социального окружения, конечно, не является произволом индивида, она опирается на объективные критерии. Воспринимая существующие в обществе группы, субъект относит себя к некоторым из них, но, как было показано выше, именно такое отнесение и конституирует группы. Причем самоотнесение

осуществляется не только как отождествление, но и как отличие себя от других, социальные категории существуют в системе взаимных влияний и конфронтаций, то есть в процессе категоризации создается и образ социальной, в том числе и классовой, структуры.

Социальное сравнение связано с оценкой положения своей группы и основывается на стремлении индивида к положительной я-концепции. Поэтому идентичность формируется субъектом таким образом, что социальные группы, к которым он себя приписывает, должны обеспечить положительный вклад в я-концепцию [20, с. 117]. Стремление к положительной я-концепции, то есть к позитивной оценке своей групповой принадлежности, выражается, по терминологии Х. Тэджфела, в так называемом социальном творчестве, связанном с пересмотром, переоценкой критериев сравнения [1, с. 97]. Если объективное положение группы, к которой индивид приписывает себя, в обществе или социокультурной среде таково, что принадлежность к ней не дает оснований для формирования положительной я-концепции (к примеру низкий социальный статус группы), то индивид может искать новые основания для сравнения (например, бедный, но честный). Также возможен выбор для сравнения группы с более низким статусом. Социальное творчество может выражаться и в прямом изменении оснований для сравнения от минуса к плюсу [1, с. 98], придании позитивного значения тем характеристикам своей группы, которые в глазах представителей других групп имеют негативное значение.

Через социальное сравнение достигается социальная идентификация – индивидуальное знание о том, что индивид принадлежит к некоторой социальной группе вместе с определенным эмоциональным и ценностным смыслом группового членства [20, с. 119].

Таким образом, обретение идентичности основывается, во-первых, на выделении в социальном окружении индивида отдельных социальных категорий; во-вторых, на приписывании категориям, к которым относит себя субъект, в основном положительных качеств, а некоторым другим – отрицательных, противопоставляя их своим. В результате этого обретается идентичность как положительная я-концепция, как совокупность представлений о позитивных качествах групп, к которым принадлежит индивид, и в основном отрицательных – к которым он себя не относит.

Ярким примером формирования идентичности является книга Н. Я. Данилевского «Россия и Европа». Уже само название книги говорит о противопоставлении автором двух культур. Вся же структура концепции в точности повторяет этапы обретения идентичности, описанные в теории Х. Тэджфела. Вначале Н. Я. Данилевский выделяет Россию из Европы, противопоставляя Россию и всю славянскую культуру ей (сама концепция культурно-исторических типов – это пример расчленения окружающей действительности на отдельные категории): Россия в представлении Н. Я. Данилевского «не причастна ни европейскому добру,

ни европейскому злу, как же может она принадлежать Европе» [10, с. 49]; одновременно она являет собой «весьма трудно преодолимое препятствие к развитию и распространению... европейской или германороманской цивилизации» [10, с. 52]. Далее автор принимается за «социальное сравнение» и «социальное творчество», приписывая России в основном положительные качества, а Европе – в основном отрицательные: «славянские народы *самою природою* избавлены от этой насильственности характера, которую народам романо-германским... удается только перемещать из одной сферы деятельности в другую» [10, с. 158]; «Причина догматической разницы между Церквями западною и восточною не имеет иного источника, кроме *невежества, господствовавшего на Западе* в первые века средней истории» [10, с. 152]. В результате этих построений Н. Я. Данилевским формулируется идентичность России, в виде ярко положительной я-концепции, имеющей и эмоциональный подтекст: «Будучи чужда европейскому миру по своему внутреннему складу, будучи, кроме того, слишком сильна и могущественна, чтобы занимать место одного из членов европейской семьи... – Россия не иначе может занять достойное себя и славянства место в истории, как став главой особой, самостоятельной системы государств и служа противовесом Европе во всей ее общности и целостности» [10, с. 248].

Идентичность – это не просто эмоционально-когнитивное образование в психике человека. Обладание идентичностью – это и потребность субъекта [16, с. 310–311]. На примере возрождения казачества в России Л. Г. Ионин показал, что процесс удовлетворения этой потребности может послужить причиной формирования социальных групп [11, с. 3–19]. То есть описанные выше «воображенные сообщества» основываются, в первую очередь, на идентичности их членов. По мнению П. Бергера и Т. Лукмана, социальная идентичность, созданная благодаря взаимодействию индивидуального сознания и социальной структуры реагирует на данную социальную структуру, модифицирует или даже переконструирует ее [4, с. 279]. Данное утверждение относится не только к социальным группам, но и к институтам [14, с. 180–185], которые представляют собой устойчивый комплекс формальных и неформальных правил, принципов, норм, установок, регулирующих различные сферы человеческой деятельности [19, с. 117].

В феноменологической социологии убедительно показано, что созданные людьми социальные группы, институты и т.п. имеют значение не только в глазах их создателей, но и продолжают существовать и изменяться в соответствии с тем, как данные социальные объекты интерпретируются участниками социального взаимодействия [18, с. 273]. Это означает, что формирование и функционирование элементов социальной структуры (группы, институты), в первую очередь, зависит от социальной репрезентации, поскольку они существуют только благодаря действиям людей, а значит не могут существовать независимо от идей и

О СОЦИАЛЬНО-РЕПРЕЗЕНТАТИВНЫХ ОСНОВАНИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ

представлений, имеющихся у субъектов относительно того, что они делают [5, с. 226].

Наибольшую актуальность такое понимание взаимоотношений действующих субъектов и социальной структуры (групп, институтов) общества принимает в условиях интенсивных социальных изменений. В периоды стабильного развития элементы социальной структуры могут восприниматься как нечто само собой разумеющееся, подлинная социальная реальность, конституирующая и направляющая деятельность субъектов в социуме. Это связано с тем, что стабильность социальной структуры зависит от стабильных социальных действий индивидов. В периоды, характеризующиеся перманентными изменениями: распадом и формированием новых социальных групп, изменением стратификационного положения одних групп относительно других, кардинальной трансформацией институционального порядка – очевидным становится зависимость социальной структуры от социальных действий субъектов, а значит, от их представлений о социальной реальности.

Литература:

1. Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие: Социально-психологические проблемы. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 239 с.
2. Андерсон Б. Уявлена спільнота: Пер. з англ. // Націоналізм: Антологія / Упоряд. О. Проценко, В. Лісовий. – К.: Смолоскип, 2000. – С. 567–579.
3. Аутвейт У. Действие, структура и философия реализма: Пер. с англ. // Социо-Логос. – М.: Прогресс, 1991. – С. 159–169.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания: Пер с англ. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
5. Бхаскар Р. Общества: Пер. с англ. // Социо-Логос. – М.: Прогресс, 1991. – С. 219–240.
6. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире: Пер. с англ. – С.-Пб.: Изд-во «Университетская книга», 2001. – 416 с.
7. Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1990. – 804 с.
8. Гидденс Э. Социология: Пер. с англ. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 704 с.
9. Гидденс Э. Элементы теории структуризации: Пер. с англ. // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас: Учебное пособие. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. – С.40–72.
10. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. – 6-е изд. – С.-Пб.: Глагол: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1995. – 513 с.
11. Ионин Л.Г. Идентификация и инсценировка: К теории социокультурных изменений // Социологические исследования. – 1995. - №4. – С. 3–19.
12. Ионин Л.Г. Социология культуры: Учебное пособие. – М.: Издательская корпорация «Логос», 1996. – 280 с.
13. Керимова Л.М. Керимов Т.Х. Теория структуризации Э. Гидденса: методологические аспекты. // Социологические исследования. – 1997. – №3. – С. 34–47.
14. Кузьмин Н.Н. Роль социальной идентичности в конституировании социальных институтов // Культура народов Причерноморья. – 1999. – №7. – С.180–185.
15. Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). – С.-Пб.: Алетейя, 2000. – 260 с.
16. Московичи С. Век толп: Пер. с фр. – М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. – 526 с.
17. Почепцов Г.Г. Информационные войны. – М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2000. – 576 с.
18. Силвермен Д. Некоторые игнорируемые вопросы о природе социальной реальности // Новые направления в социологической теории: Пер с англ. – М.: Прогресс, 1978. – С. 256–303.
19. Современная западная социология: Словарь. – М.: Политиздат, 1990. – 432 с.
20. Сушков И.Р. Социально-психологическая теория Дж.Тернера // Психологический журнал. – 1993. – Т. 14. – №3. – С.115–125.
21. Томпсон Э.П. Плебейская культура и моральная экономия. Статьи из английской социальной истории XVIII и XIX вв. // История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1996. – С.180–198.
22. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии: Пер. с фр. – М.: Научный мир, 1998. – 204 с.
23. Уинч П. Идея социальной науки и ее отношение к философии: Пер. с англ. – М.: Русское феноменологическое общество, 1996. – 176 с.
24. Штомпка П. Социология социальных изменений: Пер. с англ. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.
25. Эдер К. Новая классовая политика: социальные движения и культурная динамика в развитых обществах // Реферативный журнал. Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология. – 1997. – № 1. – С. 29–43.

Лазарев Ф. В.

АНТРОПНАЯ ГНОСЕОЛОГИЯ: СОДЕРЖАНИЕ И ОСНОВНЫЕ ПРЕЗУМПЦИИ

Предание гласит, что при входе в древнейший

храм Аполлона в Дельфах на мраморной колонне